

АФРИКАНСКОЕ ИСКУССТВО И РОССИЯ

В.Е. ЕГОШКИН

Чрезвычайный и Полномочный посол РФ

Ключевые слова: восточноафриканское искусство, атрибуты власти, ритуальные символы, слоновая кость, Центр африканского искусства

Африканское искусство в последние годы становится все более востребованным. В крупнейших европейских и американских городах существуют хорошо оборудованные музеи, художественные галереи, регулярно организуются многочисленные выставки, издаются богато иллюстрированные каталоги публичных и частных коллекций. Интерес проявляется не только к традиционному, т.н. «примитивному», искусству племен и народов Африки, но и к современным работам самобытных африканских авторов. Крупные коллекции и музеи африканского искусства создаются на Ближнем Востоке, в Южной Америке, в азиатских странах. Все большее внимание к изобразительному искусству Африканского континента проявляют в Китае, где заниматься собирательством африканских артефактов становится не только модным, но и прибыльным.

В отличие от западноевропейских стран, где первые коллекции были созданы за счет колонизации Африки и фактического разграбления ее культурного наследия, Россия никогда не присутствовала на континенте в качестве колониальной державы. И, тем не менее, российские исследователи и путешественники всегда интересовались культурой и искусством народов Африки. Достаточно вспомнить африканские экспедиции замечательного русского поэта Николая Гумилева, существенно пополнившего коллекции петербургского Музея антропологии и этнографии РАН им. Пе-

Горн (оромо, Эфиопия) (длина - 37,5 см, вес - 1,09 кг).

Маска (покот, Кения).

тра Великого (Кунсткамера) в начале XX века.

У российской африканистики замечательные традиции. В советские времена работы отечественных ученых снискали огромное уважение своих коллег как на

Западе, так и в африканских странах. Сегодня российская школа африканских исследований признана как одна из наиболее авторитетных в мире, чему способствует активная деятельность Института Африки РАН.

Поддержка, оказанная Советским Союзом народам Африки в годы борьбы за независимость и в ходе становления национальной государственности, подготовка десятков тысяч африканских специалистов, направление в страны континента тысяч и тысяч наших врачей, преподавателей, инженеров, работавших в самых удаленных точках Африки, создали условия для лучшего понимания нами африканцев, их уникальных культурных и художественных традиций. Уже в те годы многие в нашей стране начали интересоваться африканским искусством и создавать свои, пусть не очень богатые, коллекции. Сейчас интерес к Африке в России растет. Об

этом говорят и первые в нашей новой истории визиты главы Российского государства в столицы ряда ключевых стран континента.

Заметный интерес проявляется в нашей стране и к африканской культуре. Видные представители делового мира и политического истеблишмента занимаются собирательством африканского изобразительного искусства, как традиционного, так и современного. Эти коллекции пока не стали публичными, но со временем благодаря таким собраниям российская африканистика сможет внести свой вклад в изучение искусства Африканского континента, полнее раскрыть для мира его значимость и уникальность.

Африканцы весьма чувствительны ко всему, что помогает им лучше узнать историю собственных стран, изучить свою материальную культуру, в значительной части утраченную за годы работорговли и колониального угнетения. Многие исторические и культурные ценности оказались уничтоженными или вывезенными в бывшие метрополии, и африканские исследователи немало делают для того, чтобы, по возможности, восстановить утраченное.

Кенийцы, в частности, в течение многих лет разыскивали в Великобритании артефакты, связанные с именем Койталел арап Самоей (Koitalel arap Samoei) (1860-1905), про которого в Кении знают все. Он - знаменитый прорицатель племени *нанди* (этническая группа *календжин*) в свое время предсказал приход колонизаторов и строительство железной дороги от побережья в глубь земель племени, возглавив затем борьбу против оккупантов. Под его руководством воины *нанди* успешно блокировали продвижение британцев, устраивая засады и поливая их отравленными стрелами, при попадании которых тела людей раздувало, как ут-

Прорицательница с ребенком (баганда, Уганда).

верждали мои кенийские друзья, «до размеров небольшого слона». Лишь обманом англичанам, предложившим мирные переговоры, удалось заманить его в ловушку. Прорицателя обезглавили и голову увезли вместе с атрибутами его власти в Великобританию. Лишь в 2006 г. удалось обнаружить эти реликвии в чулане дома одного из потомков его убийцы. Правнук прорицателя, мой хороший знакомый Джо Санг, более двадцати лет разыскивавший останки своего предка, привез их на родину, где сейчас создан музей.

Подписание, по нашей инициативе, в ходе первого в истории двусторонних отношений визита министра иностранных дел России в Найроби в ноябре 2010 г. документа о сотрудничестве между Музейными службами Кении и петербургской Кунсткамерой имело большой резонанс не только у специалистов, но и среди простых кенийцев, которые наде-

ются, что с помощью российских музеев удастся освободиться от навязываемых им подчас бывшими колонизаторами стереотипов и восстановить недостающие звенья в кенийской истории.

Особенно высоко была оценена передача Найробийскому музею коллекции уникальных фотографий, приобретенных Кунсткамерой у Стокгольмского музея в 1913 г. Таких документальных свидетельств о повседневной жизни своих предков в начале прошлого столетия здесь мало кто видел. Выставка с огромным успехом прошла во всех кенийских музеях. Она стала свидетельством того, что и у России, в отличие от колониальных держав, не имевшей, казалось бы, возможности создавать крупные коллекции африканских артефактов, есть, что показать, есть, что открыть для мира науки и для африканских народов, жаждущих полного восстановления своей культурной идентичности.

Опахало (ньямвези, Танзания).

В числе коллекций, формирующихся в Москве в течение последних десятилетий, можно назвать, к примеру, тематическое собрание - «Атрибуты власти и ритуальные символы племен Восточной и Юго-Восточной Аф-

рики», - включающее в себя около 1 тыс. экспонатов. Оно, по существу, опровергает сложившееся среди некоторых искусствоведов мнение о том, что в отличие от Западной и Центральной Африки, изобиловавших скульптурными изображениями, Восточная и Южная Африка практически не производили масок и ритуальных фигур.

Мюнхенский этнограф и историк Стефан Эйзенхофер, в частности, отмечал: «До XX века Восточная Африка считалась «no man's land» по скульптурам. Там было крайне мало регионов с традициями изготовления деревянных масок, и потому эта часть континента игнорировалась в публикациях и на выставках африканского искусства»¹. Это отмечают и исследователи Хасан Ареро и Захари Киндон: «Восточная Африка часто игнорируется в обзорах по африканскому искусству. Маски и скульптурные человеческие фигуры, которые обычно находятся в фокусе интереса историков африканского искусства, встречаются здесь заметно реже по сравнению со странами бассейна Заира и Западной Африкой. Поэтому скептики часто задаются вопросом: А есть ли в Восточной Африке искусство?»²

Считалось, что частые миграции населявших Восточную Африку кочевых племен затрудняли транспортировку тяжелых и объемных деревянных скульптур и масок. Поэтому искусство проявлялось преимущественно в раскраске тела, в красочной одежде и легко перевозимых хозяйственно полезных предметах - плетеных изделиях, оружии, щитах, подголовниках, изделиях из кожи, сосудах из тыквы и т.д., нередко украшенных бисером и богатой резьбой или росписью³.

Специалисты по африканскому искусству отмечают в Восточной Африке наличие масок и скульптур лишь у некоторых оседлых племен *банту*, а в музейных коллекциях, как правило, представлены только маски и ри-

Подголовник (маконде, Танзания).

туальные фигуры племени *маконде*, проживающего на юге Танзании - севере Мозамбика. Нередко, впрочем, артефакты, производившиеся другими племенами региона, атрибутировались как изделия маконде⁴.

Уникальность нашей коллекции состоит в материале, из которого изготовлены представленные предметы - кости диких животных (слонов, жирафов, носорогов, бегемотов, бородавчиков, антилоп и др.). В коллекциях мировых центров африканского искусства артефакты из кости относительно немногочисленны. Они являются лишь дополнением к экспонатам из других материалов - как правило, из дерева. У народов же Восточной Африки именно кость была основным материалом, из которого создавались скульптурные изображения.

Исторически именно изделия из кости, прежде всего, слоновой, считались у африканских племен наиболее ценными. В Африке, где до колонизации существовали государственные образования, как минимум половина добываемой слоновой кости поступала в собственность местного правителя, который привлекал к изготовлению ритуальных фигур и масок наиболее умелых мастеров. Их владельцами могли быть лишь вожди и старейшины, наиболее уважаемые воины, колдуны и

знахари, пользующиеся непререкаемым авторитетом. В тайных обществах некоторых племен Восточного Конго лишь их высшие руководители имели право на использование знаков отличия из слоновой кости. Все остальные довольствовались изделиями из дерева.

Возраст представленных в коллекции артефактов - от 100 до 500 лет. По большей части они изготовлены задолго до колонизации. О возрасте этих изделий из кости го-

ворит их цвет - от черно-коричневого до светло-оранжевого. Цвет определяется не только временем, но и длительным нахождением рядом с дымящим очагом, под солнцем, а главное, постоянным смазыванием фигур и масок пальмовым или иным растительным маслом. Чтобы задобрить богов, об эти предметы всегда вытирали руки после еды. Фигуры нередко поливали кровью жертвенных животных и вывешивали на просушку. При перевозках и в перерывах между ритуалами изделия из слоновой кости помещали в кожаные бурдюки или в *калебасы* (емкости из высушенной тыквы) и заливали растительным, в основном пальмовым маслом. Африканцы очень ценят образы, выходящуюся на них с годами патину.

Представленные артефакты полностью соответствуют критериям, по которым составляются как коллекции всех известных музеев традиционного африканского искусства, так и крупнейшие частные собрания. Это предметы, использовавшиеся на протяжении многих десятилетий, а подчас и веков, при отправлении различных ритуалов, в знахарской практике, в практической жизни высоких представителей соответствующих африканских сообществ. Они в свое время приобретались непосредственно в африканских семьях, унаследовавших их у своих предков - старейшин или знахарей-прорицате-

Струнный музыкальный инструмент (чокве, Ангола).

лей различных племенных образований. А порой те или иные артефакты выменивались на коров, которых приходилось покупать, - в пастушечьих племенах до сих пор главной ценностью является скот, и деньги не пользуются большой популярностью. В коллекции нет предметов, изготовленных на продажу и тем более - для туристов.

В ней представлены артефакты около 80 nilотских, кушитских и банту племен Южного Судана, Эфиопии, Уганды, Кении, Танзании, ЦАР, Мозамбика, Малави, Замбии, ДР Конго, Анголы, Республики Конго. Наиболее многочисленными являются ритуальные изделия племени *динка* (Южный Судан), *маконде* (Танзания), *баганда* (Уганда), *миджикенда* (Кения), а также из Восточного Конго (племена *лега*, *сенгье* и др.).

Из атрибутов власти - разнообразные булавы (рунгу) и «мухобойки» старейшин, ожерелья вождей, в т.ч. из зубов хищных зверей, браслеты, подголовники. Достаточно разнообразны горны, использовавшиеся для объявления тревоги, созыва воинов или при проведении ритуалов и свадеб.

Ритуальные предметы представлены ожерельями, браслетами, кольцами колдунов-прорицателей, знахарскими атрибутами (сосудами, ложками, трубками для снадобий), а также фигурами для проведения колдовских обрядов - вызывания дождя, обеспечения урожая, плодovitости, удачи. Имеются обереги от злых духов, от ущерба семье и др. Помимо этого, представлены ритуальные свадебные и танцевальные маски, маски - знаки иерархии секретных обществ.

Частью коллекции являются ритуальные статуи и маски из дерева, поступившие в основном из охваченных в последние годы столкновениями районов Восточного Конго. Наиболее репрезентативны - на вид агрессивные и устрашающие фигуры *Нкити*, призванные охранять сообщества (поселения) от злых сил и болезней; фетиши, представляющие души предков, внутри которых - магические компоненты (*бишимба*); троны вождей, сидения для проведения обрядов и т.п. Возраст входящих в эту часть коллекции артефактов - 70-100 лет.

Хотелось бы надеяться, что со временем в Москве, как и в других уважающих себя столицах мира, появится Центр африканского искусства, готовящий экспертов - искусствоведов и

включающий в себя музеи традиционного и современного искусства, залы для экспозиции коллекций зарубежных музеев и частных коллекций, для демонстрации фильмов об африканских племенах, книжный магазин, «африканскую лавку» с сувенирами и т.п.

В основу этого музея могут быть положены личные коллекции, собранные нашими дипломатами и другими специалистами по Африке. В большинстве своем эти интереснейшие собрания пылятся сейчас на чердаках дач, в чуланах и других неподходящих для произведений искусства местах. Прекрасный пример дает нам Сербия. В Белграде с 1977 г. существует Музей африканского искусства, созданный на базе коллекций югославского посла Здравко Печара, работавшего в странах Западной Африки. Несмотря на развал большой Югославии, этот признанный ЮНЕСКО искусствоведческий центр, для которого государство в свое время выделило отдельное строение в престижном квартале столицы, продолжает бережно сохраняться и ведет активную работу.

Характерно, что уже сейчас готовность безвозмездно поделиться с московским Центром африканского искусства своими коллекциями выражают многие ветераны дипломатической службы и их наследники, а также известные люди современной России, увлекшиеся Африкой в последние годы.

Фото автора

¹ Eisenhofer Stefan. African art. Taschen. Bonn, 2010. P. 88.

² Arero Hassan, Kindgon Zachary (Ed.), The Horniman Museum, 2005. P. 5.

³ Siegmann William C. African art. A century at the Brooklyn Museum. Brooklyn Museum, DelMonco Books. Munich, Berlin, L., N.Y., 2009. P. 266.

⁴ Eisenhofer Stefan. Op. cit. P. 88.